

Львов В. Л. Северный край. - 2-е изд., испр. и доп. — М.; Петроград: Государственное издательство, 1923 — 84 с.

Оглавление.

Вступление

1. Северные леса
2. Тундра
3. Самоеды
4. Ледовитый океан и его богатства
5. Поморы. Мурманские промыслы
6. Лапландия и лопари
7. По Северной Двине. Архангельск. Соловецкий монастырь. Путешествие по белому морю и на Мурман. Заключение.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Северным краем России обыкновенно называют ту область, которую занимали две наши бывшие северные губернии: Архангельская и Вологодская. Обе эти губернии очень большие. Каждая из них в несколько раз были больше любой из губерний в средней России; а обе вместе они составляли почти пятую часть всей Европейской России. Теперь, после революции, они были разделены и на их месте были образованы новые административные районы, как, напр., Мурманская губ., Северо-Двинская, автономная Зырянская Область (Коми).

Но, несмотря на свою обширность, Северный край пустынный и малолюдный. Население всего громаднейшего Северного края достигает только 2.000.000 человек.

Эта малолюдность нашего Севера происходит оттого, что многие местности там совершенно неудобны для жизни людей. Огромные пространства Северного края заняты непроходимыми лесами болотами и холодными пустынями - **тундрами**. Надо заметить еще, что Северный край самая холодная часть Европейской России. Там зима продолжается долго - месяцев 7-8 (а на самом крайнем Севере еще дольше). Притом же зима там гораздо суровее нашей, а лето, напротив, короткое и недостаточно теплое.

Посмотрим же, что представляет из себя этот холодный Северный край и как там живет людям.

I. Северные леса.

Если бы мы вздумал отправиться на Север, напр. из Москвы, то и нужно было бы ехать по Ярославской железной дороге. Сначала приедем в город Ярославль. Он стоит на Волге — самой большой русской реке. Переправившись на другую сторону Волги мы едем снова по железной дороге и, наконец, — менее чем через сутки по выезде из Москвы, — приедем в Вологду, губернский город Вологодской губернии. Времени немного — всего сутки, а между тем здесь уже чувствуется другая природа; стоит отдалиться несколько от города, и мы попадаем совсем в лесной край.

Почти вся Вологодская губерния покрыта глубокими, дремучими лесами. Такие же глухие леса идут и дальше, в Архангельской губернии, исключая только самую северную ее окраину, занятую тундрой.

В этих северных лесах — архангельских и вологодских — растут больше хвойные деревья: ель, сосна, реже лиственница, пихта и изредка кедр — тот самый кедр, из шишек которого добывают кедровые орехи*)[*] Впрочем, лиственница, пихта и, особенно, кедр встречаются главным образом в восточной половине Северного края. Это — сибирские деревья, которые не так давно перебрались в Европейскую Россию. Меньше всего успел расселиться сибирский кедр. Он растет ближе к Уралу, тогда как пихта и

лиственница доходят до Зап. Двины].

Южнее, ближе к Волге, растут и лиственные леса, особенно береза и осина. Но далее к Северу лиственные леса становятся значительно реже, и идут сплошные хвойные леса, чаще всего еловые или сосновые. В сосновых лесах попадаются еще кое-какие лиственные деревья: береза, осина, верба, рябина; а внизу, между деревьями, растет брусника, клюква, разные другие ягоды, кустарнички и травы. Но несравненно более мрачный вид представляют еловые леса. Огромные, как великаны, ели плотно стоят друг возле друга и так густо переплетаются своими широкими иглистыми ветвями, что солнечные лучи почти не проникают вниз. Никаких других деревьев, ни кустарников, ни травы даже, тут не видно. Земля покрыта только желтыми сухими иглами, сквозь которые изредка пробивается мох.

Местами леса совершенно непроходимы. Деревья растут в них так тесно, что образуют совсем непролазную чащу. Еще более непроходимы эти леса от массы сухого валежника, гнилых упавших деревьев и множества болот, которые иногда тянутся на несколько верст без перерыва.

В таких лесах дорог в прямом смысле этого слова — не существует, и надо знать особые приметы, чтобы переправиться из селения в селение. На колесном экипаже нечего и думать проехать через такую глушь. Верхом и то едва-едва проберешься через эту чащу, — по болотистой неровной, изрытой ямами почве, — перешагивая то и дело через свалившиеся стволы деревьев, густые ветви которых царапают лицо и рвут одежду. Для перевозки тяжестей в этих лесных дебрях служит своеобразный экипаж, называемый **волока** или **волокуша**. Она состоит из двух жердей; в верхние концы их, как в оглобли, впрягается лошадь, а нижние концы, изогнутые в виде санных полозьев, волочатся по земле. Сверху к полозьям прикрепляется плетеный кузов или просто деревянная площадка, куда и помещается кладь.

Селенья в северных лесах разбросаны далеко одно от другого и расположены по большей части по рекам, так как реки — тут самые удобные дороги во время лета. В селеньях этих живут русские крестьяне или же зыряне. Последние живут к востоку от Сев. Двины, главным образом по реке Вычегде и ее притокам и отчасти по притокам Печоры.

Зыряне — народ финского племени, но сильно обрусевший; по наружности их даже трудно отличить от русских. Зыряне давно приняли христианскую веру, переняли много русских обычаев и теперь мало чем отличаются от русских крестьян, с которыми живут по соседству.

Главное занятие лесных жителей, как русских, так и зырян — лесные промыслы, особенно охота. В лесах, вокруг их деревень, много всякого зверя. Тут водятся и олени, и лоси, и разные пушные звери: лисицы, песцы, барсуки, куницы, белки; волки, в особенности зимой, бродят целыми стаями; дикие кошки, горностаи, рыси и росوماхи скрываются на деревьях и отсюда бросаются на добычу. Идя лесом, даже по близости от деревни, можно очень легко натолкнуться на медведя.

«Привыкли мы к нему, — рассказывал один крестьянин. — Пойдешь в лес лыко драть али за дровами, нет-нет, да и встретишь. Ну, сам-то он не трогает человека, коли его не тронешь. А уж пуще всего медведица, с ней беда! Прошлым годом мы с Гришуткой вот, с сынишкой, с полудня до вечера простояли у самого носа медведицы... Шли мы это лесом. Набрали лыка; собирались домой было. Вдруг, смотрим, медведь! Испугались мы с Гришуткой, стоим ни живы ни мертвы. А он как зарычит, да на нас... Что ты будешь делать? Глядим, — а на сосенке двое медвежат сидят. Испугались, значит, спрятались, а медведица-то ходит вокруг сосны, да все поглядывает на нас, глаз не спускает. Только мы с Гришуткой пошевелимся, чтобы, значит, лататы задать, — так нет, проклятая, сейчас к нам бросится да рывкает. «Не шевелись, говорю, Гришутка, стой, пальцем не шевели!» Ну и стоим мы эдак час, другой, а треклятые медвежата с сосенки-то не слезают, уж она их зовет — не лезут, да и только. А мы стоим, свет божий не мил, ноженьки подкашиваются, дрожим оба, поглядываем друг на дружку. Что ты будешь делать? Так и простояли мы,

почитай, до самого вечера, пока не увела она детей. Опосля пришли домой, целую неделю лихоманка трясла, вот до чего довела нас»...

Подобные встречи с медведем в большинстве случаев ограничиваются одним страхом, как это случилось с крестьянином и его сынишкой. Но медведи сильно вредят крестьянам, таская у них скот, в особенности коров. Кроме того, медвежья шкура ценится недешево: за нее давали в прежнее время рублей 40, 50, а то и 60 серебром. Вот это-то и побуждает иногда бедного, обремененного большим семейством крестьянина идти, часто с одной рогатиной, на медведя. Есть среди здешних крестьян и настоящие охотники на медведя; они охотятся с ружьем или рогатиной.

На медведя охотятся обыкновенно зимой, когда он ложится в берлогу. Медведь чаще всего устраивает свою берлогу возле корней вывороченного дерева. Глубокий снег заносит ее и образует над ней бугор. Но опытный охотник сразу отличит медвежью берлогу от простых снежных бугров. Он замечает на белом снегу желтую скважину, которая образуется от дыхания зверя. Найдя по этой примете берлогу, охотник собирает товарищей — в одиночку немногие охотятся. Снарядившись, как следует, взяв с собою собак, они тихо подходят к тому месту, где лежит медведь. Один, более опытный, охотник становится наготове с винтовкой; другие, вооруженные топорами и рогатинами, подходят к самой берлоге и засовывают туда крепкие колья, чтобы раздражить зверя и заставить его вылезть наружу. Когда рассерженный медведь, наконец, показывается в отверстие берлоги, охотник стреляет в него, — или же ему подставляют рогатину и таким образом сбивают.

Но главная охота бывает на пушных зверей: белок, куниц и других. За ними охотятся зимой, когда отрастет у них густой зимний мех. Животные эти пугливы; они укрываются подальше от человека, в глухих, дальних лесах. Поэтому и охотники должны уходить на этот промысел верст за 100, за 200 и больше от своей деревни.

В начале октября месяца, когда выпадет первый снег, промышленники-звероловы собираются в дальний путь. Они составляют артели по несколько человек, запасаются разной съестной и охотничьей провизией, берут с собой собак, ружья, лыжи и отправляются в дорогу. Если реки не успели замерзнуть, они едут на легких лодочках, которые легко можно перетаскивать с реки на реку, с озера на озеро. Когда же станет зима, и вода в реках и озерах вдруг замерзнет, они бросают лодки и делают **нарты**, или особого устройства сани. На этих санях собаки тащат их провизию, а сами промышленники идут пешком. Так приходят они, наконец, к месту промысла. Здесь у них уже готова от прежних годов избушка, или так называемый **пывзан**. Слово пывзан собственно значит баня. И действительно, избушка устраивается как баня, служа для промышленников и баней, и местом ночлега.

Рано утром охотники оставляют свою теплую избушку и расходятся в разные стороны. У каждого одна или две собаки, ружье и маленький компасик — **матка**, как называют его сами промышленники. Впрочем, компасик этот берется только так, на всякий случай; охотник и без него легко находит дорогу в лесу и днем, и ночью по различным, только ему знакомым, приметам. Он узнает, напр., страны света по коре деревьев, которая на северной стороне всегда бывает толще, грубее и с трещинами.

Вот идет охотник, а впереди бежит собака (лайка), пока не почует зверя, напр., куницу или белку. Когда собака остановилась у дерева и залаяла, это знак, что тут притаилось животное. Охотник поспешает к дереву и, разглядев в ветвях его зверка, стреляет и, в большинстве случаев, без промаха убивает его.

Вечером охотники снова собираются в пывзан, закусывают, сдирают и очищают шкурки животных, парятся и коротают длинный, зимний вечер веселыми разговорами или рассказами о том, что было с каждым в течение дня.

На следующее утро снова отправляются на охоту, и это продолжается до тех пор, пока не выпадет столько снегу, что трудно будет ходить охотнику. Тогда способ охоты несколько изменяется. Охотники надевают длинные, выше колена, сапоги из оленьей

шкуры — шерстью вверх. Такие сапоги называются **пимы**; они очень легки и теплы. Затем, чтобы не проваливаться в снег, надевают лыжи.

Отправляясь в лес, собак с собой уже не берут, а ружье носят только на случай, не подвернулся бы какой-нибудь зверь. Вместо того, чтобы бродить с ружьем, теперь расставляют в разных местах ловушки и капканы. Впрочем, и теперь бродить приходится много: надо осмотреть ловушки, одни поправить, из других вынуть добычу. Целый день уходит на эту работу, и по-прежнему только вечером возвращаются они в свой пывзан, усталые и голодные, пройдя иногда верст 25 или 30 в течение дня. И хорошо еще, если день был счастливый, и охотник вернулся с добычей. А то иной раз бывает, ходит-мучается охотник весь день без отдыха и, в конце концов, вернется с пустыми руками.

Около Рождества промышленники возвращаются домой с своего «лесованья». А в половине января, отдохнувши на праздниках, снова уходят в дальние леса и занимаются охотой до тех пор, пока не покажутся первые признаки весны, когда зверь начнет линять, а пути станут портиться. Надо вообразить себе труд, какой несут прошенники во время своего «лесованья!» Надо представить себе жизнь их в маленькой грязной курной избушке, среди глухого леса, и эти ежедневные похождения на охоту! А что дает этот труд? Совсем пустяки!

Кроме пушных зверей, промышленники бьют также птиц — рябчиков, тетеревов, глухарей, диких уток, особенно много рябчиков. Птицы эти, замороженными, везутся потом целыми возами в Петербург, Москву и другие города.

Некоторые крестьяне в лесах, кроме охоты, занимаются еще сбором кедровых орехов. Другие промышляют тем, что рубят лес и сплавляют его по рекам, строят суда, гонят смолу и деготь и работают разные деревянные изделия.

Наконец, как и везде в России, — русский крестьянин и здесь занимается хлебопашеством. Но хозяйство здесь ведется совсем особым образом, не так, как в других местах России. Хозяйство тут — **подсечное**, очень вредное для лесов. Чтобы приготовить поле, крестьяне вырубает участок леса, выкорчевывают пни и сжигают деревья, чтобы пеплом их удобрить землю. Потом это выжженное место вспахивают и сеют на нем подряд несколько лет ячмень, рожь или лен. Сначала хлеб родится хорошо, но спустя несколько лет земля уже истощается и не приносит урожая. Тогда эту землю бросают, и выжигают новый лесной участок; а старое поле мало помалу зарастает лесом, пока снова когда-нибудь не придет да него черед.

При таком способе хозяйства много лесов вырубается на нашем Севере. Кроме того, когда выжигают лес для поля, случается, что огонь перекинется по ветру на соседний лес и производит страшный лесной пожар. От этих пожаров иногда выгорают целые тысячи десятин леса.

В юго-западной части Вологодской губернии земледелие составляет главное занятие крестьян, как и во многих других местах России. Но дальше, в самой глуши лесов, человек не может жить прочно на своей земле. Здесь его кормит не поле, а лес — тот самый лес, который грозно обступает его со всех сторон.

Правда, наши северные леса, некогда обширные и дремучие, сильно поредели в последнее время. Много их гибнет каждый год от неисправной порубки, от сдиранья коры; громадные пространства истребляются лесными пожарами, но, несмотря на все это, во многих местах Вологодской и Архангельской губерний до сих пор еще остаются дикие, непроходимые, дремучие леса. До сих пор еще много в них таких диких глухих трущоб, куда трудно пробраться человеку и где укрываются только дикие звери.

Но как ни дики и суровы, представляются эти хмурые хвойные северные леса, там дальше за ними, еще более к северу, — на самом краю Архангельской губернии, находятся пространства еще более пустынные, еще более дикие, и человеку живется там еще труднее, чем в диких лесах.

II. Тундра.

Чем дальше ехать лесами, тем глуше и глуше сначала становятся они. Но потом, в северной части Архангельской губернии, леса начинают редеть. Вместо прежних крупных и толстых деревьев, виднеются тонкие ели, у которых половина ветвей засохшие, мертвые. Иногда попадаются и совсем мертвые деревья; они еще стоят, но жизни в них уже нет, — только седой лишайник, как саван, одевает их ветви и стволы. Видно, что зимний холод здесь так силен, что не дает расти деревьям и, рано ли, поздно ли, губит их, хотя на месте погибших опять вырастают новые деревья. На каждом шагу попадаются стволы уже погибших, упавших деревьев и масса мелкого валежника. Иногда деревья совсем исчезают, и виднеется ровное место, поросшее зеленым мохом или серым лишайником. Такие места называют **тундрами**. Наконец, леса исчезают совсем, и начинается сплошная обширная тундра...

Тундра несколько напоминает степь: тот же широкий простор, та же бесконечная даль. Как в степи едешь целые дни, не видя лесов, — так их не видно и в тундре. И как в степи все-таки попадаются изредка небольшие леса — по оврагам и берегам рек, — так и в тундре — на более высоких местах и по берегам рек — растут небольшие лесочки. Но степь имеет плоскую, ровную поверхность, в тундре же часто попадаются высокие или низкие холмы — следы деятельности бывших здесь в прежние времена ледников. Если же нет холмов, то все же неровности встречаются каждом шагу. Часто тундра бывает покрыта торфяными буграми и моховыми кочками, обыкновенно мхом и кустиками морошки. В степи мало воды; в тундре, напротив, ее много: местами тундра — сплошное болото, покрытое зеленым мохом. Всюду виднеются озерки и большие озера. Всюду выются тысячи ручьев, речек и рек.

Там, где находится тундра, на далеком севере России, зима бывает длинная и суровая, а лето очень короткое. Земля за лето оттаивает там только сверху; на небольшой глубине, значительно меньше аршина, она уже не оттаивает и остается вечно мерзлой. Оттого-то в тундре и не могут деревья. Дерево пускает свои корни глубоко в землю; они встречаются лед, они отмирают, и все дерево гибнет. Только там, где почва выше и где она глубже оттаивает, могут расти в тундре небольшие леса,

Самые характерные для тундры растения, — это мхи и лишайники. Где место низкое и мокрое, растут мхи, образуя обширные моховые болота. А там, где местность выше и суше, вместо мхов, растут лишайники. В тундре особенно много белого лишайника, который очень любят северные олени, и который называют **оленьим мохом**, или **ягелем**. Но много встречается и других лишайников — разного вида и разных цветов. Эти разноцветные лишайники, а также мхи — то белые, то красноватые, то голубые, то зеленые — покрывают тундру точно красивые разноцветные ковры.

Но было бы неправильно представлять себе, что в тундре растут только мхи и лишайники. Напротив, в ней много всяких трав и цветов, — иногда встречаются такие прекрасные сочные луга, что им могли бы позавидовать жители средних губерний. Летом тундра так и пестрит разнообразными цветами. Тут мы нашли бы много знакомых цветов, какие растут у нас в Средней России: и ромашку, и тысячелистник, щавель, поповник, горлец, кислицу, мать-мачеху, лютик, незабудку, полевой горошек и много других. Местами тундра сплошь зарастает зеленой осокой, покрывающей целые поля с пропитанной водою землей. Порою целыми луговинами разрастается красивая пушица, белеющая своими белыми пушистыми плодами подобно снежным сугробам среди зелени кустарников и трав. Много также летом в тундре и разных ягод. В одном месте, как золото, горит на солнце желтая морошка; в другом виднеется красная, как кровь, брусника; в третьем — черная вороница и блестяще-синяя голубика. Особенно много бывает морошки — так много, что часто ее собирают не руками — по ягодке, а счесывают особым гребнем.

Попадаются в тундре и деревца — маленькие ивы, стелющиеся березки *)[*] Карликовая березка или березка-стланка имеет стебель, спрятанный в земле, из которого и

поднимаются пучечки тоненьких веточек, покрытых листочками величиною с ноготь мизинца], можжевельник. По большей части они так малы, что кажутся карликами в сравнении с настоящими деревьями. Они поднимаются над землей всего на четверть или пол-аршина, - и притом они корявые, кривые, с мелкими неразвившимися жесткими листочками. В тундре, между прочим, встречается особая порода ивы (**полярная ива**). Она не растет прямо вверх, а стелется по земле и прячется во мху. Наверх из мха выглядывает только пара листьев — с сережками цветов между ними, несколько напоминая наш подорожник. Но иногда в тундре встречается и довольно высокий кустарник ивы, так наз. «ера», настолько высокий, что в нем укрывается олень со своими ветвистыми рогами, но чаще не выше плеч человека. Такая ера покрывает очень большие пространства и дает лучший вид топлива в тундре.

Итак, тундра не представляет из себя сплошного болота. Напротив, в ней есть сухие места, поросшие лишайником; есть прекрасные луга, пестреющие всевозможными цветами; есть и высокий кустарник, образующий целые леса. И, тем не менее, в тундре очень много воды и болот. На моховых болотистых пространствах вода неприметна сразу; но стоит ступить на эту топкую почву, как нога проваливается, и выступает вода. Среди моховых и травяных лугов очень часто виднеются, точно светлые пятна, небольшие озера и открытые болота. Попадают и большие озера с глубокой и чистой водой. Протекают по тундре и реки, которые начинаются еще в дремучих лесах и бегут через тундру на север — к Ледовитому океану.

Животных в тундре водится немного. Здесь бродят только стада диких северных оленей, которые летом питаются травой, листьями ив и морошки, а зимой выгребают копытами из-под снега «олений мох». Из соседних лесов сюда забегают разные пушные зверки: россомахи, лисицы, ласки, горностаи. Следом за ними являются в тундру и волки. Постоянными жителями тундры являются небольшие грызуны, среди которых особенно замечательны пеструшки, или лемминги, встречающиеся здесь в таком множестве, что именно они составляют главную добычу водящихся здесь хищных птиц и животных. Коренными обитателями безлесных тундр нужно признать также полярных лисиц, или песцов, которые летом бывают одеты в серую шерстку, зимой же покрываются густым белым и очень теплым мехом, который высоко ценится на рынке, а потому и делает песца предметом выгодной охоты. Заяц-беляк так же природный житель этих мест. Но кого здесь много летом, — так это птиц, главным образом, водяных. Берега рек, озер и болот в это время так и кишат жизнью. Сюда из теплых стран прилетают стаи лебедей, гусей, уток, чаек, гагар, куликов и других птиц. Много также бывает белых куропаток. Рассказывают, что в старину белые куропатки водились тут в таком множестве, что когда стая их опускалась на землю, то земля казалась покрытой снегом. Впрочем, куропатка бывает белой только зимой, летом же она ржаво-бурого цвета. Близкой к ней является другой вид, — так называемая тундровая куропатка. Из хищных птиц встречается здесь характерная для тундры «белая сова», самая крупная из сов после филина. Гнездятся также канюк-зимняк и орлан-белохвост. Главное зло в тундре во время лета, это масса появляющихся в ней комаров, мошек и оводов. Они носятся в воздухе целыми тучами и страшно кусают людей и животных. Путешественники, чтобы предохранить себя от их укушений, надевают на голову волосяной колпак. Но кому жестоко достается от этих насекомых, — так это оленям. Вся кожа их бывает искусана. Чтобы спастись от комаров, олени бегут к воде и забираются в воду по самую шею.

И все же, несмотря на это зло, летом тундра красива и полна жизни. Но коротенькое лето быстро проходит, и наступает туманная и дождливая осень. С утра до вечера тундру, и без того, мокрую, кропит дождь... Красивые луга тундры начинают блекнуть. Цветов уже не видать; трава желтеет и загнивает. Только ягельные и моховые ковры остаются в своем прежнем летнем уборе. Земля еще больше мякнет и превращает в полужидкую грязь.

Потом начинаются морозы. Земля твердеет, замерзает и быстро скрывается под

глубоким снегом. Зимой тундру часто беспокоит непогода разного рода: то падает крупными хлопьями пушистый снег, застилающий свет божий; то разгуляется ветер по широкому простору тундры и начнет переносить целые стенки снега с одного места на другое; то поднимется сильная метель — когда валит снег и сверху, и снизу, и с боков, то идет мокрый снег, смешанный с дождем... Но зато в другое время, когда затянутся надолго сильные морозы, тогда стоит совсем безветренная погода. Небо ясно — ни облачка... В воздухе такая тишина, за версту ясно слышится малейший звук.

Но что для нас представляется особенно необычным и страшным на этом далеком Севере — это то, что здесь зимою, в течение приблизительно двух месяцев, совсем не светит солнце. Зимою и у нас дни бывают коротки. Но там, на Севере, где находится тундра, уже осенью дни начинают убывать со страшной быстротой; с каждым днем солнце все позже встает и раньше садится. С половины ноября солнце совсем уже поднимается над горизонтом; идут дни за днями, а солнце все не появляется и не появится до половины января. Целых два месяца стоит долгая, непрерывная холодная ночь. Только месяц и звезды озаряют своим светом занесенную снегом пустыню, да чистый белый снег, отсвечивая от себя, дает некоторый свет.

Но жителей Севера не пугает эта долгая ночь. Не пугает она и путешественников по Северу, которые видят в ней своего рода очарование. Особенно же хороша и очаровательна бывает она тогда, когда происходит то необыкновенное явление, — бывающее только на Севере, — которое называется **северным сиянием**. Когда все небо горит разноцветными огнями, когда лучи разных цветов извиваются по небу, точно разноцветные ленты, переплетающиеся между собой и снова расходящиеся, когда этот волшебный свет то ослабевает, то снова усиливается, — тогда зрителем овладевает восторг. Трудно представить себе более необыкновенную, более фантастическую картину

Послушайте, напр., как описывает это явление знаменитый путешественник по Северу, Нансен.

«Все небо сверкало, особенно на юге, откуда массы огня распространялись высоко вверх. Огненные массы разделились на блестящие разноцветные полосы, распространявшиеся по небу на юге и на севере и переплетавшиеся друг с другом. Лучи сверкали, отливая чистыми и прозрачными, как кристалл, цветами радуги».

«Это была бесконечная игра ярких красок, превосходящих все, что только можно вообразить. Иногда зрелище достигало такой красоты, что у нас захватывало дыхание, и нам казалось, что должно совершиться нечто необыкновенное: по крайней мере, рушиться небо».

«Вдруг лучи света померкли, быстро пробежав по всем оттенкам цветов, — и все явление стало исчезать; а мы стояли в напряженном ожидании, затаив дыхание. Но только что мы хотели удалиться под влиянием страшного мороза, как лучи снова загорелись, и появились такие чудные краски, что мы остановились и стояли до тех пор, пока не почувствовали, что у нас отморожены уши и носы. В конце сияния был такой удивительный фейерверк всевозможных цветов, со всех сторон загоралось такое пламя, что мы каждую минуту ожидали появления его на льду, так как на небе для него уже не оставалось места».

Тундра занимает огромное пространство на нашем Севере. Она тянется с запада на восток приблизительно на тысячу верст, а с юга на север — на 500. На юге она примыкает к дремучим лесам, а на севере доходит до берегов холодного Ледовитого океана.

III. Самоеды.

Неприветлива и сурова тундра, — однако же и в ней живут люди. Давно, еще в незапамятные времена, поселился здесь народ самоеды, которые так приспособили свою

жизнь к тундре, что вне ее им даже трудно существовать.

Самоеды воспользовались тем, что в тундре живет северный олень. Они приручили его, сделали его домашним животным, и теперь жизнь самоеда до того связана с жизнью оленя, что без оленя самоед не может и жить в тундре.

Каждая самоедская семья имеет свое стадо оленей. У большинства — оленей немного: штук 30—50. Кто побогаче, держит сотню, две и несколько сот. Есть даже такие богачи, которые имеют по тысяче и более оленей.

Олени доставляют самоеду все самое необходимое для его жизни. Самоеды едят сырое оленьё мясо, одеваются в одежды из оленьих шкур. Наконец, на оленях же ездят по тундре.

Переезды по тундре только и возможны на оленях. Лошадь не может жить в тундре; да ей и не пройти там, где проходит олень, Ему не нужны дороги; он идет не только по ровному месту, поросшему мохом или лишайником. Он едет и через густые заросли ивняка, подгибая его под себя и перетаскивая через него высокие самоедские сани. Он легко бежит по аршинным сочкам и буграм; а встретится на пути болото — он проходит и через него, постоянно проваливаясь и перебираясь вплавь на более сухое место...

За оленями мало ухода. Они пасутся кругом жилья и сами отыскивают себе пищу. Летом же едят траву, а зимой питаются оленьим мохом, который сами выкапывают копытами из-под снега. Самоеды только оберегают оленей от волков, да следят, чтобы вокруг жилья было для них достаточно корму.

Но зато олени не дают возможности самоедам сидеть на одном месте, благодаря оленям самоеды сделались кочевым народом. Они всю жизнь кочуют по тундре, переходя с одного места на другое. Поэтому и жилище свое они устраивают так, чтобы его можно было легко разобрать и перевезти на другое место.

Когда олени поедят поблизости весь корм, самоеды разбирают свое походное жилище, складывают все свое добро в сани и, собрав своих оленей, едут на другое место тундры, где есть хороший корм.

Приехав на новое место, они, прежде всего, принимаются устраивать свое жилье, или так называемые **чум**. Это обыкновенно делают женщины. Они ставят в круг длинные жерди, нижние концы их вбивают в землю, а верхние связывают вместе. Сверху чум покрывают летом березовой корой, а зимой - оленьими шкурами. Низ чума обкладывают еще землей и мохом, зимой снегом, чтобы было теплее. Наверху оставляют отверстие для выхода дыма. Сбоку, вместо двери, также делают отверстие, которое завешивается оленьей шкурой.

У большинства самоедов чум бывает небольшой и низкий, так что стоять в нем во весь рост можно только посредине. Чум ставят прямо на сырой, холодной земле; постелят только на полу березовые прутья, да на них несколько оленьих шкур. В середине чума кладется железный лист, на котором разводят огонь. Над огнем, на крючьях, висят котлы, в которых варится пища. Топливо служат мелкие прутья ивняка, который повсюду растет в тундре по берегам речек. Такое топливо, конечно, больше дымит, чем греет, и оттого по всему чуму постоянно стоит дым и ест глаза. Еще несколько лучше живут богатые самоеды; у них чум просторный и теплый. Но у бедняков стены чума часто в дырах, и ветер тут гуляет так же свободно, как на просторе тундры.

Понятно, что, живя в такой холодной стране, самоеды должны были позаботиться, чтобы придумать себе подходящую теплую одежду. И вот, они делают себе зимнее платье из толстых оленьих шкур. Сначала самоед надевает **малицу** — длинную одежду из оленьего меха, в роде мешка, рукавами, шерстью внутрь. Сверх малицы надевается другая одежда — **совик**. Это — теплая шуба, которая носится шерстью наружу. Она придает самоеду довольно странный и, пожалуй, даже страшный вид.

На ноги самоед надевает зимою меховые штаны и **лимы** — высокие, выше колен, меховые сапоги, сшитые из кусочков белой или черной оленьей шкуры, среди которых

вшиты разноцветные суконные лоскуты.

Самоедка одета зимою в такую же меховую одежду, только понаряднее сшитую. Самоедка нашивает на нее красивые узоры из белых и черных оленьих лапок и украшает ее разноцветными суконными лоскутками и разными погремушками и бусами. И чем пестрее ее наряд, тем красивее и лучше.

Но самоедам некогда заботиться о своих наядах. И самоед, и самоедка ходят почти всегда в грязных, отрепанных, засаленных одеждах. У их много забот поважнее, чтобы не умереть с голоду. Самоедка целый день занята то стряпней, по починкой старого платья, то нянчится с малыми ребятами, которые, несмотря на окружающий холод, возятся совсем голые внутри чума. А самоеды ловят рыбу, охотятся на пушных зверей, бьют белых медведей и диких северных оленей или же уходят к берегам Ледовитого океана — охотиться на тюленей и моржей. А главная забота самоеда — это олени. Хоть они и сами добывают себе корм, а все же за ними немало надо присмотру. Пропади олени — для самоеда все кончено: он делается нищим. Ему и в тундре тогда нечего делать. Оттого-то самоед так любит своих оленешек, так заботится о них и беспокоится об их судьбе.

Сколько, напр., заботы бывает самоедам весной, когда телятся оленницы! Сколько нужно труда, чтобы выходить маленьких хорошеньких пыжиков, которые до того нежны и чувствительны к холоду, что так и мрут, чуть не уходишь за ними. Зимою другие заботы. Надо охранять оленей от волков, которых много набегает в это время в тундру. Отойдут олени далеко от чумов — и не увидишь, как кого-нибудь зарежет волк. Но вообще зимою самоедам легче живется. Морозы им ни почем. А главное, все покрыто белым ровным снегом, — дорога везде, поезжай, куда хочешь. И действительно, зимой самоеды делают большие путешествия. Запряжет самоед в высокие сани (**нарты**) тройку или четверку хороших ездовых оленей, возьмет в руку длинную палку, **хорей**, чтобы их подгонять, и отправляется куда-нибудь в гости верст за сто, а то и больше. Олени так и несутся, закинув на спину свои красивые ветвистые рога, и быстро домчат его до места. Вот залаяли собаки и бросаются навстречу приезжему; за ними выползает все население чума, радуясь приезду гостя. Самоеды — народ радушный, они любят принимать гостей. Сейчас хозяин с сыновьями или с работниками, взявши аркан, идут к стаду и, изловив самого жирного оленя, валят его на землю и убивают. Теперь начинается пиршество, которое нам, людям непривычным, очень не понравится и, пожалуй, даже вызовет отвращение. Самоеды едят теплое еще сырое оленьё мясо, берут его грязными руками и при этом вымазывают себе кровью руки, и рот, и все лицо. Они очень любят пить горячую кровь только что убитого оленя и считают ее лучшим средством, предохраняющим от цинги.

Но, несмотря на свою дикость и неопрятность, самоеды — народ очень добродушный и смирный. Они приветливо принимают всякого приезжающего к ним в тундру человека, хотя бы он был им совсем чужой. С детьми они обращаются ласково и почти никогда не бьют их.

Самоеды давно крещены; но многие из них, особенности те, которые живут в глубине тундры, до сих пор сохранили свои старинные верования и обряды. Они до сих пор делают себе идолов из дерева или камня — на подобие человека — и ставят их в чуме или возят с собой. Они верят в своих колдунов, или **шаманов**, и зовут колдовать, если случится пропажа оленей, и; если заболит кто-нибудь в семье.

Самоеды — очень маленький народ. Их считают всего около 7.000 человек, и большинство их кочует по тундре. Однако в последнее время некоторая часть самоедов переменила свой образ жизни, они стали жить оседло. Они живут уже не чумах, а в избах; у них есть лошади, коровы, овцы, а где позволяет почва, там они занялись и хлебопашеством: сеют ячмень. Таких оседлых самоедов насчитывают в настоящее время около 1.500 человек. Но все прочие самоеды остаются до сих пор кочевниками. Как сотни лет тому назад, так и теперь, из года в год, бродят они по своей просторной тундре вместе

с своими оленями, и пока остается у самоеда хотя несколько штук оленей, он свою бродячую бедную, но вольную жизнь не променяет ни на какие блага мира.

IV. Ледовитый океан и его богатства.

Тундра занимает самую северную часть Европейской России. За ней уже начинается беспредельное море — холодный Ледовитый океан. Ледовитым его называют потому, что там большую часть года плавают огромные льды. Это вовсе не те льды, которые мы привыкли видеть каждую зиму. Это — такие громады льда, перед которыми даже большой морской пароход кажется игрушкой.

Морские льды встречаются в двух видах: или в виде ледяных гор или в виде ледяных полей. Ледяные горы поднимаются над водой сажен на 20—30 и иногда еще выше; подводная же часть их бывает в 10—15 раз больше надводной. Они бывают самой разнообразной формы: то они похожи на огромные башни, вышиной более самой высокой колокольни; то поднимаются, как неприступные стены, в которых, как в настоящих горах, образуются обширные расщелины и пещеры. Так же разнообразны они и по цвету. Морской лед бывает иногда ослепительно-белого цвета, как снег; иногда цвет его зеленый, голубой или фиолетовый; наконец, иногда он совершенно прозрачен, как хрусталь.

Ледяные горы плывут по морю с шумом и треском. Часто они сталкиваются друг с другом, разбиваются и с грохотом валятся в воду. Беда, если пароход попадает между ледяных гор: они совсем могут раздавить его. Но хорошо хоть то, что своим шумом они издали дают о себе знать, и пароход вовремя может уйти от них. Гораздо опаснее ледяные поля. Они бывают длиною в несколько десятков верст. Они плывут тихо, неслышно; только успеешь заметить их — как они уже надвинутся на судно. Если пароход не успеет уплыть от них, они сдавят его со всех сторон и тогда уже ему трудно пробиться через них; они затрут его между собой и понесут его вместе с собой, куда их гонит течение или ветер. Если напор льда очень сильный, они совсем могут разрушить пароход, проломить ему бок и пустить его ко дну.

Эти огромные плавающие ледяные поля и ледяные горы загромаждают Ледовитый океан приблизительно в течение девяти месяцев в году. Только во время трех летних месяцев льды морским течением и ветром уносятся от берегов далеко на север, и только тогда море становится доступно для плавания судов.

Однако, несмотря на многие опасности, с которыми связано плавание по Ледовитому океану, он привлекает к себе много охотников-промышленников, благодаря заключающимся в нем огромным богатствам.

В Ледовитом океане водится множество самой разнообразной рыбы. Сельди тут плавают громаднейшими стаями, по несколько миллионов штук. Масса водится также наваги и семги. Но особенно важное значение для промышленников имеет **треска** — довольно крупная рыба, которая составляет главную и любимую пищу многих жителей Северного края. Встречается в Ледовитом океане и **акула** — очень большая хищная рыба, которая своими острыми и сильными зубами может перекусить пополам человека. Ее ловят, чтобы добывать жир (**ворвань**) из ее огромной печени.

Тут же на океанском просторе плавает **кит** — самое большое из всех животных. В Ледовитом океане водится самая крупная порода китов, так называемый **полосатик**. Он достигает девяти сажен в длину и весит около пяти тысяч пудов. За китами охотятся ради их жира, который толстым слоем лежит у них под кожей, а также ради «китового уса»: так называются длинные и толстые роговые пластинки, которыми усажен, вместо зубов, их огромный рот.

Кроме настоящих китов, тут водится еще другое животное из породы китов — именно **белуха**.

Это довольно красивое животное белого цвета и длиною от 2-х до 3-х сажен.

Белухи часто собираются стаями и играют в море, выставясь поверх воды, — и тогда море кажется как бы пенистым от их широких белых спин. Промышленники охотятся за ними ради их мяса, сала и шкуры, которая употребляется на ремни.

Вместе с китами и белухами в Ледовитом океане живут еще так называемые **ластоногие** животные: **тюлени** разных пород и **моржи**. У этих животных пальцы на ногах соединены между собою толстой складкой кожи и образуют широкие плавники — так наз. **ласты**, которые при плавании действуют как весла. При этом, задние лапы у них вытянуты назад, на подобие рыбьего хвоста. Да и все тело их, имеющее веретенообразную форму, как у рыб, так же постепенно суживающееся к хвосту, прекрасно приспособлено к водной жизни. Тюлени и моржи отлично плавают и ныряют, могут долго (более 10 минут) оставаться под водой, но они не удаляются далеко от берега и для отдыха вылезают на сушу.

Морж — громадное, неуклюжее животное, которое достигает двух сажен в длину и весит около 90 пудов. Его огромная и страшная голова, с налитыми кровью глазами, с жесткими щетинистыми усами, торчащими по обе стороны морды, вооружена еще крепкими и длинными клыками, которые торчат вниз из его пасти. Эти клыки (или **бивни**) служат моржу главным орудием защиты. Но говорят также, что морж пользуется ими при взлезании на скалы и льдины, всовывая клыки в трещины и подтягивая ими свое тяжелое тело. Думают также, что клыками он отрывает от камней под водой раковины и других морских животных, которыми он питается.

Моржи часто вылезают на берег или на льдины и тут отдыхают, и спят, греясь на солнечном припеке.

Тут-то и разыскивают их промышленники, пользуясь тем, что на суше они неловки и неповоротливы, между тем, как в воде ловко плавают и ныряют и бывают очень опасны своими страшными бивнями, которыми могут перевернуть и разбить даже большую лодку.

Моржовые клыки ценятся дорого. Кроме того, убитый морж дает еще пудов 12—15 сала и шкуру — очень крепкую и толщиною с палец. Таким образом, промышленник мог получить значительную пользу от каждого убитого моржа. Но у русских берегов европейских частей Ледовитого океана моржей уже давно почти не встречается. В поисках за ними надо ехать в гораздо более отдаленные и недоступные области полярных морей. Поэтому гораздо большее значение для русских промыслов имеет охота на тюленей.

Тюлень гораздо меньше моржа. У него нет таких страшных клыков, которыми он мог бы защищаться. Это — мирное, очень умное, но совершенно беззащитное животное. Тюлени живут большими стадами. Питаются они рыбой и разными мелкими морскими Животными. Они очень любят своих детенышей и не покидают их во время опасности. Когда промышленники нападают с ружьями или просто с дубинами на тюленье стадо и начинают безжалостно их избивать, тюлени, прежде всего, стараются пробиться к воде и столкнуть в воду детенышей. Если же это уже поздно, они не сопротивляются даже, и только мечутся из стороны в сторону и жалобно утонут, поражаемые на смерть один за другим. Некоторые охотники рассказывают, что иногда в это время они замечали на глазах тюленей слезы.

В Ледовитом океане встречаются тюлени разных пород, которые носят различные местные названия: **нерпы**, **лысуны**, **морские зайцы**, **морские собаки** и др. Охотятся за тюленями, как и за другими морскими Животными, ради их сала и шкуры

Тюлени и моржи в продолжение года переселяются в разные места океана. Осенью, когда плавающие льды приносятся к берегам России, вместе с ними приплывают сюда и тюлени. Здесь остаются они на всю зиму. Когда же ранней весной лед начинает гнать к северу, он опять уносит с собою тюленей вместе с маленькими, недавно родившимися у них детенышами в далекие северные части океана.

Среди Ледовитого океана, к северу от берегов Европейской России, есть несколько

больших островов. Ближе к берегам расположены острова **Колгуев** и **Вайгач**; несколько дальше от них лежит огромный двойной остров, называемый **Новой Землей**; а еще дальше к северу находится целая группа островов, которые все вместе называются, **Шпицбергом**. Природа этих островов гораздо беднее, нежели природа тундры. Тут мало даже растет мхов и лишайников, и повсюду виднеется только голый камень, да снег и лед, во многих местах не растаивающий и летом. Сюда-то, к этим "островам, и приплывают летом морские звери, моржи и тюлени, а следом за ними приезжают сюда и смелые промышленники, чтобы охотиться за этими животными.

Кроме морских зверей, на этих пустынных островах живут еще **белые медведи**. Они бывают на Новой Земле, Колгуеве, Вайгаче. На берегу материка встречаются гораздо реже. Хотя белый медведь — животное сухопутное, однако, он отлично плавает по морю, ловит рыб и охотится за тюленями и даже за сильными моржами. Часто, перебираясь с льдины на льдину, белый медведь уплывает на ней далеко от берега, и его можно видать среди открытого океана — на плавающих ледяных полях.

Но главное население берегов Ледовитого океана и его холодных северных островов составляют во все продолжение лета всевозможные морские птицы. Высокие скалистые океанские берега иногда до такой степени бывают усеяны птицами, что их не даром прозывают «птичьими горами» или «птичьими базарами». Главную массу этих «птичьих гор» составляют **кайры** и **гагарки**, Скалы, на которых живут они, постоянно окружены тучей летающих птиц; тысячи птиц сидят на выступах скал, обративши белые грудки к морю и разместившись рядами на всех уголках, где только есть свободное местечко. Тысячи других летают сверху вниз и снизу вверх; третьи массами ныряют в воде и ловят рыбу.

Вместе с кайрами и гагарками во множестве встречаются у берегов различные крупные **чайки**, — одни из самых красивых птиц на Севере. Особенно красивы кажутся они, когда носятся по волнам, ярко выделяясь своими белыми перьями на синеве моря. Чайки держатся поблизости от берегов; поэтому моряки, завидев их, догадываются, что близко земля.

Особенное место среди них занимают **поморники**. Это хищные чайки, нападающие на более слабых птиц и нередко обижающие обыкновенных чаек, у которых они очень ловко отнимают пойманную в море рыбу. Близкие котикам кулики также характерны для морских берегов. Особенно типичен и бросается в глаза крупный кулик «морская сорока», имеющая яркое оперение, черное с белым, и красные ноги, клюв и глаза. Ее звонкие крики обращают на себя внимание всякого посещающего песчаные берега и отмели. Местное название ее «кипиха» имеет звукоподражательное значение.

Другие морские птицы, напр., **чистики**, **люрики**, улетают далеко от берега; они почти всю жизнь проводят в открытом море, ныряя и плавая по волнам. Еще далее от берегов встречаются путешественникам крачки, или морские ласточки, гагары, бакланы и буревестники, которые не только прекрасно плавают, но и отличаются замечательно сильным полетом.

Среди множества различных птиц, населяющих скалистые берега у Ледовитого океана, особенное значение для промышленников имеет **гага**. Эта крупная птица, из породы утиных, замечательна своим нежным пухом, который ценится очень дорого. Самка гаги, выщипывая у себя пух, выстилает им свое гнездо и в это пуховое ложе кладет свои яйца. Добывание гагачьего пуха чрезвычайно трудно. Гаги устраивают свои гнезда на высоких, почти неприступных скалах, и промышленникам приходится иногда с опасностью для жизни спускаться на веревках с громадных утесов, подымающихся отвесно над морской пучиной. Самый лучший пух получается из гнезд; при ощипывании уже убитых птиц пух получается уже не такой хороший.

Таковы животные, населяющие Ледовитый океан и его пустынные холодные острова. Кроме птиц, морских зверей и всевозможных рыб, в Ледовитом океане живет много и низших животных, напр., **морские звезды**, **морские ежи**, **голотурии**, **раки** и

крабы разных видов, и различные мягкотелые животные (**моллюски**), живущие в раковинах и без раковин. Но эти животные не имеют никакого интереса для промышленников, которые устремляются в Ледовитый океан только в погоне за крупными морскими зверями и рыбами.

Много опасностей приходится преодолевать этим промышленникам во время плавания по ледовитому океану. В начале и в конце лета им постоянно угрожает встреча с плавучими льдами, которые могут совсем затереть и разбить их плохенькие суденышки. Вредят им также бури, которые часто разражаются на океане, — и густые туманы, когда не знаешь, куда плыть.

Но гонимые тяжелой нуждой, они смело пускаются в путь, и каждое лето пустынные берега островов Ледовитого океана оживляются присутствием приезжих промышленников, которые "охотой добывают себе тут насущный хлеб.

Но кроме этих приезжих промышленников, на некоторых островах Ледовитого океана есть и постоянное население. Напр., на Новой Земле живет более ста самоедов, которые так свыклись с этим холодным островом, что не скучают тут по иной жизни и не горюют о том, что в течение большей части года остров этот совершенно отрезан окружающим его океаном от всего остального мира.

V. Поморы. Мурманские промыслы.

Если вы посмотрите на карту нашего Севера то заметите, что часть Ледовитого океана одном месте глубоко врывается в материк Европейской России. Эта часть океана называется **Белым морем**. Сюда впадает самая большая река Северного края — **Северная Двина**, а недалеко от ее устья стоит город **Архангельск**.

Крестьяне, которые живут по берегам Белого моря, называются **поморами**. Они земледелием не занимаются. Лето у них короткое, почва бесплодная, и хлеб тут не родится. Поморов кормит не земля, а море. Они ловят рыбу и охотятся на морских зверей: тюленей, моржей и белух. Они говорят: «море — наше поле».

Зиму поморы проводят дома, в своих деревнях, весной же, как только море очистится ото льдов и у берегов появится много рыбы, они отправляются на промыслы. Одни из них идут не особенно далеко и промышляют тут же у берегов Белого моря. Тут они ловят семгу, сельдь и навагу. Но множество народу из каждой Беломорской деревни отправляются на все лето в далекий путь — на трудный тресковый промысел в Ледовитом океане, на далеком Мурманском берегу. В западной части Архангельской губернии, между Белым морем и Ледовитым океаном, находится довольно большой полуостров, называемый **Кольским**, или **Лапландией**. Его северный берег, идущий вдоль Ледовитого океана, называется **Мурманским берегом**, или просто Мурманом. Дика и сурова природа Мурмана. Круто спускаются к морю его черные гранитные утесы, и с шумом ударяются об них холодные океанские волны, вечно неугомонные, вечно гуляющие по широкому океанскому простору. На всем почти тысячеверстном протяжении Мурмана вы не заметите ни одного деревца; только низкие лишайники и мхи кое-где прикрывают его обнаженную поверхность, да местами, где повыветрилась почва, виднеются кое-какие цветы и трава, и тут же, на вершок от них белеют пятна снега. Во многих расщелинах скал снег не растаивает все лето. Плывая вдоль Мурманского берега на пароходе в июне или июле месяце, вы с удивлением глядите на эти непрерывно тянущиеся перед вами черные скалы, испещренные белыми полосами снега. Зимой тут два месяца солнце совсем не показывается, и стоит непрерывная двухмесячная ночь; летом, напротив, солнце два месяца не сходит неба, и все время светло.

Весною к Мурманскому берегу приплывает пропасть всякой рыбы; в особенности много бывает здесь трески, самой любимой и самой распространенной рыбы на Севере. И вот эта-то рыба и привлекает на Мурман множество народа из отдаленных поморских деревень.

В прежнее время поморы, отправлявшиеся на Мурманские промыслы, составляли небольшие артели, человека по 4 или по 5, и вместе нанимались к богатому крестьянину или купцу. Хозяин давал артели небольшое судно — **шняку** — и различные снасти, нужные для промысла. И снасти, и шняка стоили дорого; оттого-то артель редко работала сама от себя, а чаще нанималась к богатому хозяину. Долгое время сохранялся обычай, по которому хозяин и его работники заключали между собой особый договор, называемый **покрутом**. (Сами же рабочие-рыболовы назывались при этом **покрученниками**). По этому договору нанимавшиеся попадали в полную кабальную зависимость от хозяина иногда на несколько лет, не имея возможности начать самостоятельную промысловую деятельность. После революции прежние условия сильно изменились, но пока не представляют чего-либо очень устойчивого.

В прежнее время поморы хаживали на Мурман пешком. Они отправлялись еще в марте, когда море было сковано льдом, и долго продолжался их трудный путь вдоль берегов Белого моря и потом через всю Лапландию. В настоящее время переезд на Мурман сделался много легче. С мая месяца, как только море очистится ото льдов, туда из Архангельска ходят каждую неделю пароходы. На первых пароходах множество промышленников отправляются на мурманский берег, — и дня через четыре они уже приезжают на место. Другие поморы едут на парусных судах, но это гораздо дольше и опаснее: поморским судам трудно бороться, с ветрами и бурями, которые их встречают в океане, и каждый год из отправляющихся на промысел судов несколько не возвращается обратно. За последнее же время берег Мурман соединен с западными берегами Белого моря вновь построенной железной дорогой, идущей от Петербурга через Петрозаводск, Кемь, до нового городка Мурманск на берегу Кольского залива, которому, предстоит в будущем сыграть большую роль в деле развития морской торговли на севере.

Но вот, наконец, тем или другим путем, — промышленники добрались до Мурман. У каждой артели есть здесь свое определенное место, где она и промышляет. Тут их ждут уже готовые жилища — маленькие избушки, которые бывают обитаемы только летом, а зимой пустуют. Тут же имеются у них и амбары, куда складывать рыбу. Эти временные летние поселения поморов называют **становищами**, а их летние избы — **станами**. Таких рыбацких становищ много рассеяно вдоль всего Мурманского берега. В двух из них, в Териберке и Гаврилове, собирается летом масса народу — человек по 1.000 в каждом. А всего на Мурмане промышляет в течение лета народу около 4.000 человек.

Добравшись до своего становища, промышленники поправляют свои ветхие избушки, чтобы в них можно было кое-как прожить несколько месяцев, починают рыболовные снасти и, отдохнув немного, спускают в воду шняки и отправляются в море. Прежде всего, они принимаются особенными неводами ловить маленькую рыбку — **мойву**, которая служит им наживкой для ловли трески. А затем приступают и к самому тресковому промыслу.

Для ловли трески поморы употребляют **ярус**. Он состоит из длинной-предлинной толстой веревки, к которой привязаны тонкие бичевки аршина в полтора или два длиной и на расстоянии сажени одна от другой. На бичевках привязаны крючки с наживкой. Длина такого яруса доходит иногда до пяти верст.

Треска водится не у самого берега, а довольно далеко от него. С наживленным ярусом промышленники отправляются в море иногда верст за 10, 20 и даже 30 от берега. Там они выбрасывают ярус, ставят его на якорь, привязывают к нему свою шняку и отдыхают в течение 12-ти часов, даже спят здесь же в лодке, покачиваясь на океанских волнах. Спустя 12 часов, они вытаскивают ярус, снимают рыбу, нагружают ею шняку и отплывают с нею обратно к становищу. Пойманную рыбу тотчас солят и складывают на сохранение в амбары.

Ловля трески ярусом очень тяжела и опасна. По целым дням проводят промышленники в море, часто под дождем. Ветер и волны так и качают их лодку, так и

захлестывают ее водой, грозя потопить их. Случается, после сильной бури, несколько из шняк, ушедших на промысел, совсем не возвращаются обратно, — и осенью товарищам, вернувшимся домой, приходится сообщать печальную весть об их гибели.

Если тяжел труд промышленников на Мурмане, — то не легок и отдых их. В их бедных и грязных избушках, словно нарочно, собрано все, что только может вредить здоровью. Тут в одном месте, сушится промокшая одежда, рыболовные снасти; тут же варится пища. От тесноты, спертости и зловонного воздуха, от однообразной рыбной пищи и постоянного утомления у промышленников нередко развивается страшная болезнь севера — цинга.

Мурманские промыслы продолжаются приблизительно до половины августа. К этому времени приезжали сюда хозяева, нанимавшие артели, производили расчет рабочим и увозили рыбу в Архангельск, где с 1-го сентября открывалась ярмарка. Одни из поморов уезжали туда же на ярмарку, другие разъезжались по домам, и Мурман пустел до будущей весны.

Впрочем, он не совсем остается пустым и зимою. Кроме летних становищ промышленников, на Мурманском берегу есть и постоянные колонии, где живут русские, финляндцы и норвежцы.

Обыкновенно колонии расположены рядом с становищами: напр., по одну сторону какого-нибудь залива лежит становище, а по другую — колония. Уезжая в конце лета домой, поморы оставляют свои избы на попечение колонистов или же поручают их близ живущим лопарям.

По берегам Белого моря поморы ловят навагу, сельдь и семгу. Сельдь обыкновенно ловят лет и осенью. Ловят ее мережами, переметами и сетями. В иные годы сельдей бывает такая масса, что, когда лодка врывается в стадо сельдей, то весла упираются в сельдяную массу. Ежегодно на нашем Севере вылавливается около 150 миллионов штук сельдей.

Навага ловится зимой, с ноября до февраля. Навага очень прожорлива. Стоит опустить веревочку с привязанным к ней кусочком той же наваги или селедки, как на него тотчас же бросаются наваги и ни за что не выпускают изо рта. Случается и так, что за хвост первой наваги, ухватившейся за веревочку, хватается другая, и, таким образом, обе рыбы вытаскиваются наверх.

Ловят навагу сетями. Особенно много ловят ее в реках Канинского полуострова. Последние годы перед войной наважный промысел быстро развивался. Во многих местах по рекам образовались большие промысловые становища, где производился улов десятка тысяч пудов наваги каждую зиму.

Самая ценная рыба, которая ловится на Белом море, это — семга. Ее можно ловить на удочку, ловят и неводом; но особенно практикуется ловля ее **заборами**, или **заколами**. Семга любит быстрые порожистые реки, куда она идет из моря для метания икры. Промышленники перегораживают реку около порога забором или частоколом, в отверстия которого вставляют ловушки — мережи, или «морды». Семга, идущая к порогу, попадает в мережи и вынимается из них каждый день утром и вечером. Устройство такого семузьего «забора» обходится очень дорого. Поэтому его устраивают на средства целой деревни или даже волости, а чтобы следить за ловлей рыбы и вести счет деньгам, выручаемым за продажу рыбы, выбирают особое доверенное лицо, называемое **заборщиком**. Лов семги начинается с мая, как только вскрыются реки, и продолжается до конца октября. Лучшей семгой считается та, которая поймана осенью, в августе и сентябре.

Кроме этих рыб, всюду по берегам Белого моря ловится еще мелкая треска, сиги и

камбала, но они не идут в продажу, а служат только для местного потребления. Ловится еще очень много маленькой рыбки **нярчь**, которую сушат и дают в корм скоту.

Некоторые из поморов, особенно по берегам Мезенского залива* [*] Мезенский залив — часть Белого моря, куда впадает одна из больших северных рек, Мезень. При устье ее находится городок Мезень], занимаются еще охотой на тюленей.

Тюлени, как мы уже знаем, приплывают к берегам Белого моря и другим заливам Ледовитого океана поздней осенью, и приплывают целыми стадами, часто по несколько тысяч штук. Они плывут сюда в погоне за рыбой, которая осенью так же идет из океана к берегам.

Охота на тюленей представляет немало опасностей и требует много сноровки и смелости. Промышленники отправляются в море на особо устроенных лодках с полозьями, так что они в то же время могут служить и санями, зверей, они стреляют их из винтовок или убивают палками с железными крючками на конце. Убитого зверя «свежуют», т. е. снимают с него кожу и жир, свертывают все это в тюк и затем опускают его в воду, чтобы не отягощать лодки и чтобы жир лучше сохранялся в холодной воде.

Часто промышленники, переходя с одной льдины на другую и таща за собой лодку-сани, далеко забираются в море. Случается, что поднимется: ветер и унесет их льдину далеко в открытый океан. Долго тогда носятся они по волнам и погибают от голода и холода, если случайно не прибьет их к берегу.

Во время промыслов поморам приходится подвергаться стольким опасностям, что они привыкли к ним, как к чему-то неизбежному. Эти постоянные опасности, эта борьба с бурным морем и с суровой природой только закалили их, развили в них смелость и решительность. Поморы — народ здоровый и выносливый. На вид всегда рослые и коренастые. Лица у них широкие и вечно румяные, оттого что большую часть года они проводят на воздухе и на море. Женщины-поморки также сильные, здоровые и очень смелые. Когда мужчины уходят на дальние промыслы, женщины исполняют за них все дела. Они служат и ямщиками, и гребцами, не оставляя и своего домашнего хозяйства. Иногда они исполняют за своих мужей и общественную службу: и делают свое дело не хуже мужчин.

Лётом, когда мужчины уезжают на Мурман, в поморских деревнях остаются только женщины, дети да старики. Когда пароход бросает якорь поблизости поморской деревни, к нему тотчас приплывает множество поморских шняк и карбасов, и во всех этих лодках виднеются одни только женщины. Разодетые в яркие цветные сарафаны, ловко управляют они своими лодками, принимают и сдают груз, часто очень тяжелый, и потом снова с нагруженными лодками уплывают домой.

Поморские деревни обыкновенно расположены в какой-нибудь защищенной бухте или же при устье речки. Приезжего человека особенно поражает, что некоторые их постройки, амбары, расположены у самой воды, даже отчасти на воде, на столбах, так что во время морского прилива можно прямо подъезжать на лодке к площадке амбара; а во время отлива эти постройки поднимаются высоко над водой.

Поморы живут зажиточно. Избы у них просторные и опрятные. У них, как вообще у жителей захолустных местностей Севера, сохранилось еще немало старинного. Поморские женщины до сих пор кое-где надевают старинные русские сарафаны, шитые жемчугом кокошники и другие старинные наряды. И хотя под влиянием новых мод эти красивые русские костюмы уже выводятся, но все же их можно еще иногда увидеть. Поморы отличаются чисто русским гостеприимством. Они приветливо принимают всякого человека, даже незнакомого, который приезжает к ним. Так же хорошо относятся они и друг к другу. Ведь на промыслах они вместе подвергаются опасностям. И эти общие опасности и невзгоды, эта совместная борьба с суровой природой, развили в них дух взаимопомощи. Никогда помор не покинет в беде товарища. Они всегда привыкли действовать дружно и сообща, зная по опыту, что только общими усилиями и крепко стоя друг за друга, можно добиться успеха в тяжелой борьбе за

существование.

VI. Лапландия и лопари.

Мы уже знаем, что в западной части Архангельской губернии, между Белым морем и Ледовитым океаном, находится большой полуостров — **Кольский**, или **Лапландия**. Внутри его живут лопари — народ, несколько напоминающий самоедов.

Лапландия такая же холодная страна, как и самоедская тундра, но природа ее гораздо разнообразнее и богаче. Поверхность Лапландии не ровная, как в тундре, а напротив, местами довольно гористая. Горы, хотя и не высокие, изрезывают ее во всех направлениях. Эти горы и долины между ними часто покрыты густым хвойным лесом, а среди лесов рассеяно множество озер, речек и болот. Встречаются в Лапландии и места, называемые тундрами. Но тундрой тут называют не болотистое, а, напротив, непременно сухое, покрытое ягелем, место, — при чем безразлично, находится ли оно на равнине или на горе, или же, наконец, в лесу.

Лапландия богата водой. В ней насчитывают около 700 одних озер. Озера эти соединяются между собой речками, из которых одни впадают в озеро, другие вытекают из него. Лапландские реки отличаются очень быстрым течением. Это происходит оттого, что почва здесь всюду неровная и образует значительные уклоны. Кроме того, течению реки часто мешают большие камни, которые загромождают всю ширину ее русла и образуют настоящие пороги. Река тут бурлит, пенится, бьется, переплескивает через камни и с шумом несется между камней, пока не пройдет весь порог. В иных местах пороги достигают такой вышины, что вода, проходя их, образует водопад, или, по местному, **падун**. В этой стране трудно встретить такую речку, в которой не было бы одного или нескольких «падунов».

Лапландские реки и озера богаты рыбой. Особенно много водится в них семги и сига. В некоторых речках попадаетеся жемчуг, хотя он здесь невысокого качества.

В глухих лапландских лесах водится много пушных зверей. Лисицы, горностаи, куницы, выдры, песцы, россомахи, рыси, пеструшки, норки ласки еще встречаются тут в огромном количестве, хотя далеко не таком, как в прежнее время. Водится также много медведей и волков. В гористых тундрах живут дикие олени. Много также водится всяких птиц, в особенности водяных.

Прибрежные скалы, особенно на Мурманском берегу, иногда до того полны птиц, что представляют настоящие «птичьи горы».

Народ, населяющий Лапландию, **лопари**, на первый взгляд напоминает самоедов. Они также разводят стада оленей, также ездят на оленях, а зимой одеваются в одежды, сшитые из оленьих шкур. Но оленеводство не составляет у них главного занятия, как у самоедов. Главное занятие, которым кормятся почти все лопари, это — рыбная ловля.

Лопари не кочуют круглый год со своими оленями, как самоеды. Зимой они живут в своих деревнях, которые у них называются погостами. Здесь у каждой семьи есть свой теплый дом (**тупа**, или **пырт**). Это — простой бревенчатый сруб с плоской крышей, засыпанной землей. Богатые лопари имеют кое-где и русские избы.

С наступлением весны лопари покидают свои погосты и отправляются на рыбные промыслы. Олени им теперь не нужны, и их отпускают на волю — в гористые тундры, где они до глухой осени остаются без всякого присмотра. А чтобы не перемешать своих оленей с чужими, каждый хозяин делает особые метки на ушах у своих животных.

Теперь лопари расходятся врозь: каждая семья идет к тому морскому берегу, где у нее находится, свое промысловое место. Здесь у лопаря есть другое, летнее жилище, или **вежа**. Это — просто шалаш, сделанный из жердей и покрытый сверху хворостом и дерном.

Время рыбных промыслов — самое тяжелое для лопарей. Целые дни приходится им проводить на воде, несмотря ни на какую погоду. Дождь ли холод ли, или туман —

лопарь все равно тянет свою сеть, стоя по колена, а то и по пояс в воде. Но всего хуже приходится от комаров. Кажется, нигде во всем свете нет такого количества их, как в Лапландии. Они буквально тучами носятся в воздухе и не дают покоя ничему живому. Они и жалят, и забираются в нос, в глаза, в уши. Лопари рассказывают, что бывали случаи, когда комары заедали заживо человека.

В течение весны, лета и осени лопари раза четыре переезжают с места на место, смотря по тому, где в какое время года больше встречается рыбы. И только в начале зимы, когда уже снег покрывает землю, возвращаются они в свои зимние погосты, где и отдыхают месяца три или четыре.

По приезде домой, они, прежде всего, собирают своих оленей. С колокольчиком в руках и в сопровождении умной собаки, лопарь идет к месту, где должны пастись его олени, и начинает звонить. Олени бегут на звон колокольчика, отстающих подгоняет собака. При этом часто нескольких оленей не досчитываются: кого заел волк, а кого подстрелил свой же брат — лопарь. Зимой для езды на оленях лопарям служат особенного устройства санки, называемые **кережа**; они очень легки, без полозьев, и очень похожи на маленькую лодочку или корыто. Если же кережу поставят на полозья и закроют парусиновым верхом, то такой экипаж уже называется **болок**. В кережу обыкновенно впрягают одного оленя, а в болок и пару, и тройку, и даже четверку оленей. Управляются олени всегда одной вожжей и погоняются длинной двухсаженной палкой (**хареем**). Зима для лопарей лучшее время. Зимой они ездят друг к другу в гости, справляют свадьбы и часто, собравшись вместе, рассказывают друг другу сказки и бывальщины. Они любят также сочинять песни, в которых обыкновенно передаются действительные происшествия, которые случались с кем-нибудь из них.

Лопари отличаются добродушным, миролюбивым характером. Они кротки в семейной жизни, хорошо относятся к женщинам, ласковы с детьми и почтительны к старшим.

Лопари уже давно приняли христианство. Но следы старинных верований до сих пор сохранились у них — в их суевериях и обрядах. Так, до сих пор еще верят они в колдунов, или так называемых **нойдов**.

Ной да у них играет ту же роль, что шаман у самоедов. К нему обращаются в случае какого-нибудь несчастья, напр., болезни или покражи. Одетый в особенный костюм, с бубном, разрисованным странными фигурами и знаками, и увешанный погремушками, является иногда в лопарское жилище и начинает колдовать. Он пляшет, ударяя по бубну, и поет, пока не впадет в исступление, и, наконец падает без памяти на землю. В это время, по мнению лопарей, душа его покидает тело и странствует повсюду, чтобы узнать, как вылечить больного, или где найти пропавшую вещь. Все это и возвещает нойда, когда придет в себя.

Лопарей всего насчитывается около 20.000. Не большая часть их живут в соседних с нами областях Норвегии и Швеции. В России, на Кольском полуострове, их живет всего только две тысячи человек* [*] Лопари живут также на севере Финляндии: там их насчитывают около 1.200 человек].

Эти русские лопари вследствие постоянных сношений с русскими и сами мало помалу русеют. Несмотря на то, что русские часто дурно и с презрением относятся к ним, лопари невольно подпадают под их влияние. Они многое переняли и теперь перенимают у русских. Многие лопари летом носят русскую одежду. Богатый лопарь уже не хочет жить в тупе, а строит себе русскую избу, с русской печью. Перенимают они и многие русские обряды и русские песни. В лопарский язык вошло много русских слов. И, вероятно, с течением времени, лопари совершенно утратят свои особенные национальные черты и постепенно смешаются с русским народом.

VII. По Северной Двине. Архангельск. Соловецкий монастырь. Путешествие по Белому морю и на Мурман. Заключение.

Для большинства едущих на север не хватает ни времени, ни сил, чтобы заглянуть в те глухие углы его, которые описаны в предыдущих главах. Однако, север многих манит к себе. Многие хотели бы сами побывать там и увидеть своими глазами хоть немного, что доступно в короткое время. Для таких любителей путешествий существует два удобных проторенных пути.

Во-первых, не особенно давно на север проведена железная дорога, и, отправившись по ней из Москвы, путник через двое суток приезжает уже в Архангельск. Но на этом пути немного увидит он. Только хмурые хвойные леса, идущие по обеим сторонам железной дороги, мелькают перед ним в окна вагонов, а что там творится в них и за ними, какая жизнь там идет? — ничего этого путник узнает.

Гораздо интереснее дорога по рекам. Можно доехать по железной дороге до Вологды, а здесь сесть на пароход. Сначала мы поплывем по маленькой речке Вологде*) [*] Первые 34 версты] и по ней въедем в реку Сухону. Эта красивая, быстрая река протекает по Вологодской губернии. Берега ее гористы и местами покрыты лесом. Особенную красоту придает ей ее извилистость: она делает постоянные извороты, и благодаря этому один красивый вид сменяется в ней другим. Плывая по Сухоне, мы встретим интересные деревни; в них мы увидим деревянные старинные церкви и огромные старинные избы, сложенные из таких толстых круглых бревен, что кажется, будто эти избы перенесены из какого-то сказочного царства.

Через полтора дня по выезде из Вологды, пароход наш подходит к городу Великому Устюгу. Этот старинный городок, славившийся своей торговлей еще во времена Великого Новгорода, удивительно красиво выглядит со стороны реки, хотя если мы заглянем внутрь, то ничего не найдем в нем особенно интересного.

Великий Устюг расположен недалеко от того места, где Сухона сливается с другой рекой — Югом. Река, получившаяся из слияния этих двух рек называется Северной Двиной. Сначала она неширока и называется Малой Двиной, но спустя 60 верст, когда в нее вливается большой приток Вычегда, она сразу становится много шире и полноводнее, и здесь ее называют уже Большой Северной Двиной.

Какое наслаждение испытывает путник, плывя по Северной Двине! В ней нет такой кипучей жизни, как на Волге, нет такого движения, такого множества встречных пароходов. Наш пароход сравнительно изредка обгоняет плоты с лесом или бочками смолы, да большие баржи с хлебом. Но зато как красивы берега Двины, с их темными хвойными лесами, которые тянутся без конца по обе стороны реки!

Иногда эти леса отходят от самого берега и тогда уступают свое место изумрудно-зеленым лугам или же селам, которые то и дело виднеются по обеим сторонам. Длинным рядом вытягиваются бедные избышки, крытые соломой, а среди них выделяется белым пятном новая каменная церковь или же виднеется красивая маленькая деревянная церковка. А там, за деревней, точно охватывая ее темной каймой, тянется все тот же хвойный лес, и вот уже снова приближается он к самой воде, чтобы, спустя немного, опять отодвинуться и дать место новому селению.

И чем дальше плывем мы к Северу, тем все более чувствуется северная природа. Она заметна и по этим темным хвойным лесам, но еще более ощущается она вечерами, когда наступает время заката солнца. Каждый вечер, который мы проводим на Двине, мы замечаем, что солнце заходит все позднее, а ночь становится светлее. В последний вечер, накануне приезда в Архангельск, ночь стоит такая светлая, точно совсем ее нет. И в этом особенно сказывается Север!

Если бы мы могли заглянуть еще дальше к северу — в Ледовитый океан, то там мы увидели бы ночью незаходящее солнце.

Спустя 3 1/2 дня по выезде из Вологды, мы приезжаем, наконец, в Архангельск. Это самый важный и самый большой город нашего севера. Он расположен на Северной Двине и тянется вдоль ее берега длинной узкой полосой, версты в четыре. Хотя от

Архангельска до Белого моря остается еще слишком 70 верст, однако он производит впечатление совсем приморского города. По всей набережной его виднеются пристани, где стоят большие морские пароходы и множество поморских судов. Особенно много этих судов собирается здесь в сентябре месяце, когда окончатся мурманские промыслы, и в Архангельске открывается ярмарка. Тогда приплывает сюда такая масса судов, что их мачты, точно густой лес, закрывают всю реку.

Путешественник с большим интересом проведет в Архангельске несколько дней, особенно на его набережной — на пристанях, любуясь видом судов, мачт, парусов и той кипучей, суетливой жизнью, которая кипит здесь со всех сторон.

Но если кто попадает в Архангельск, его уже тянет дальше на север — на Белое море, в Соловецкий монастырь.

На Белом море верстах в 300 от Архангельска, находится группа небольших островов, называемых **Соловецкими**. На них-то и расположен старинный монастырь.

Сюда из Архангельска через каждые три дня отправлялись небольшие пароходы, принадлежавшие монастырю, которые отвозили и потом снова привозили путешественников из монастыря. А раз в неделю в Соловецкий монастырь заходили большие хорошие пароходы Архангельско-Мурманского Об-ва.

Переезд от Архангельска до Соловков занимает приблизительно 16 часов, но если дует ветер, и море волнуется, то этого времени слишком достаточно, чтобы измучить бедных пассажиров, у которых от качки развивается мучительная морская болезнь.

Но вот, наконец, окончен трудный путь, и пароход пристает к Соловецким островам. Маленькие монастырские пароходы пристают к самому берегу — к пристани, а большие мурманские пароходы останавливаются довольно далеко от берега, и пассажиры с них съезжают на лодках.

Пред путешественниками возвышаются старинные мрачные монастырские стены, сложенные из дикого камня, за ними виднеется целый ряд церквей, и все это окружено зеленым лесом.

Природа Соловецких островов удивительно красива и богата. Они гористы и покрыты сплошь еловым и березовым лесом, среди которого рассеяно множество живописных озер.

На островах водятся стада оленей и много лисиц. Весной сюда прилетает множество птиц, особенно чаек. Чайки тут чувствуют себя так же свободно, как у нас голуби. Они совершенно заполняют монастырский двор. Не боясь людей, они целыми стаями летают и бегают по двору и тут же на земле высиживают яйца и выкармливают птенцов.

Собственно монастырь расположен на одном, самом большом острове, но его скиты, церкви, часовни рассеяны на всех других островах, и на них же находятся разные хозяйственные заведения монастыря.

Надо заметить, что Соловецкий монастырь доступен для посещения только 4 месяца в году (от половины мая до половины сентября). Остальное время морские льды не позволяют сюда проникать. Природа островов суровая. Еще в начале июня здесь, иногда случается, не совсем растаивает снег, Хлеб тут не может родиться и только некоторые овощи: картофель, капуста и редька вызревают хорошо. Но монастырь, несмотря на свою разобщенность со всем другим миром, ни в чем не нуждается, кроме хлеба. Все остальное он добывает и производит сам. Соловецкие монахи занимаются рыбной ловлей. В монастыре есть отличный скотный двор и имеются всевозможные молочные продукты. Есть собственные мельницы, лесопильни, кирпичные завод! Есть всевозможные мастерские: сапожные, портняжные, металлические и т. п. Монастырь в прежние годы даже строил собственные небольшие пароходы, на которых привозил и отвозил богомольцев. Все матросы и капитан на этих пароходах состояли из монахов.

В настоящее время монастырь превратился в трудовую коммуны, живущую своеобразной трудовой жизнью.

Если бы мы поехали на пароходе из Архангельска по Белому морю, то сколько интересного увидели бы мы на пути! Мы любовались бы высокими скалистыми морскими берегами, поросшими темным хвойным лесом, и увидели бы попутно несколько поморских деревень. Хотя пароход останавливается далеко от берега, но он стоит так долго — пока идет разгрузка и нагрузка его и пока отвозят и привозят почту, — что этого времени вполне хватает, чтобы съездить на берег и осмотреть близлежащее селенье. Во время этого путешествия мы могли бы увидеть два маленьких северных городка, **Онегу** и **Кемь**, сплошь состоящие из деревянных домиков*) [*] В Кемь сохранился даже большой старинный собор, весь деревянный].

Еще более интересную, но и более трудную поездку можно сделать на Мурман. Выйдя из Белого моря, пароход медленно идет океаном, на расстоянии нескольких верст от берега, и останавливается перед каждым становищем. Сколько оживления приносит он с собою к этим диким пустынным берегам! Лишь только пароход бросит якорь, и прогудит его протяжный гудок, как с отдаленного берега уже показывается ряд поморских лодок, которые, быстро обгоняя друг друга, плывут к нему. И вот уже пароход с обоих боков окружен шняками и карбасами, которые так и прыгают, поднимаясь и опускаясь по волнам. Жизнь так и кипит кругом. Непрерывно и с шумом работает пароходная лебедка, поднимая с лодок бочки с рыбой и опуская туда ящики с разной кладью. А в лодках суется, принимая груз, могучие фигуры поморов, по большей части в одних шерстяных вязаных рубашках — теплых и не стесняющих движений. Около больших становищ пароход простаивает по несколько часов, так что в это время не только можно съездить на берег и осмотреть становище, но даже предпринять небольшую прогулку подальше от берега. Во время этого путешествия по Мурману, мы посетили бы два самых северных русских города. Один из них — **Кола** — находится в самом углублении небольшого Кольского залива, верстах в 60 от океана. Городок этот напоминает большое село: в нем всего около сотни домов. Жители его, как и других поморских селений, занимаются главным образом, рыбной ловлей.

До последнего времени Кола был самым северным городом Европейской России. Он был уездным городком, и по его имени и весь полуостров назывался **Кольским**. Но в сравнительно недавнее время появился на Мурмане новый городок, который лежит гораздо севернее Колы, у самого океана. Верстах в 60, к северу от Колы есть очень хорошая гавань, называемая **Екатерининской**. Зимой она почти никогда не замерзает и представляет одно из самых удобных мест для стоянки судов. Поэтому здесь был построен город, который назвали **Александровском**, и летом 1899 г. произошло его открытие. Теперь это самый северный город в России. Постройка его стоила больших хлопот. Пришлось взрывать гранитные скалы и осушать болота, чтобы отвоевать и расчистить место для его построек.

Порт Александровск еще меньше, нежели Кола. В нем не более полусотни домов, построенных на один лад и вытянувшихся в одну длинную улицу. На площадке, на видном месте, возвышается деревянная церковь, а около пристани построена почтово-телеграфная контора. Вот и весь этот крошечный северный городок, искусственно сооруженный порохом и Железом, чтобы оживить промышленную и торговую деятельность на Мурмане.

Путешественник, захвативший на Мурман, с любопытством смотрит на этот городок — на краю света, на берегу холодного, океана, заземленный между высоких черных гор, где даже летом видны белые полосы снега. Но неудобно, должно быть, жить постоянно в нем. Близко-близко обступают и теснят его мрачные гранитные горы и, кажется, совсем отрывают его от остального мира. В настоящее время возле того же Кольского залива возник еще более молодой город, Мурманск, представляющий конечный пункт Мурманской железной дороги и губернский город новой Мурманской губернии. Он основан был одновременно с проведением Мурманской жел. дор., уже во время мировой войны, когда он был почти единственным пунктом, через который Россия в течение

круглого года могла поддерживать сношения со своими союзниками и всем остальным миром, Мурманску предстоит большое будущее.

Поездка по Северу — по северным рекам, по Белому морю и Ледовитому океану — много может доставить удовольствия и интереса. Любуясь с парохода дикими видами Севера и делая небольшие экскурсии на берег, мы наблюдаем здесь новый своеобразный мир и видим новую, незнакомую нам жизнь: Когда же мы возвращаемся с берега на свой пароход, нас покидают здесь привычные удобства, и мы, находясь у пустынных полярных берегов, не чувствуем никаких лишений. Но стоило бы нам расстаться с пароходом и углубиться внутрь страны, какая дикая-дикая глушь окружила бы нас! Непроходимые леса и болота, непролазные горы, камень, снег и опять болото — вот что ожидает нас! Тут нет удобных путей: только пешком можно пробираться, или же плыть на лодке по бурным озерам и маленьким порожистым речкам. Тут селения редки, и можно выбиться из сил, пока достигнешь ближайшего Жилья.

Обширный Северный край России до сих пор на большей части своего протяжения остается диким и недоступным. Правда, в последнее время там проведена железная дорога, а летом по рекам и по морю стали ходить постоянные пароходы, но они оживляют только узенькую полосу, только те места, мимо которых проходят. Большая часть край лежит в стороне от этих путей и остается такой же пустынной и необитаемой, как столетия тому назад.

А между тем Северный край далеко не бедный; он заключает в себе огромные богатства. Правда, климат края очень холодный, а почва его по большей части бедна и бесплодна, — однако, в окружающей природе человек находит здесь иные источники заработка. В глухих северных лесах зыряне и русские крестьяне промышляют охотой на пушных зверей и птиц. В еще более холодной и бесприютной тундре, где русские совсем не могут жить, самоеды занимаются оленеводством. А по берегам Белого моря и океана лопари и русские поморы кормятся рыбной ловлей.

Но все эти промыслы далеко не приносят жителям Севера той пользы, какую могли бы принести, если бы у них было больше знаний, и если бы не угнетала их тяжкая бедность.

Нужно много еще работы, чтоб оживить наш Север, чтобы проложить дороги в его глухие углы и создать более хорошие условия жизни для северных жителей: чтобы больше распространились среди них полезные знания, чтобы были у них более совершенные орудия для охоты и промыслов — вместо теперешних первобытных, и чтобы то, что добывается ими с таким трудом, действительно доставалось бы им, а не переходило бы за бесценок в чужие руки.

А теперь, расставаясь с Севером и оглядываясь на то, что мы узнали в этой книжке о жителях Севера, мы не можем не отнестись к ним с уважением, за то, что они так мужественно борются с своей суровой природой и несмотря на бедность и тягостность своего существования, так удивительно сумели приспособить свою Жизнь к своей дикой негостеприимной родине.